

Гу Цинчэн чувствовал себя не в своей тарелке, его одолевало множество тревожных мыслей, которые он старался не обдумывать. Однако нежелание думать о проблемах не означало, что они исчезали. Например, его сложная семейная ситуация. Отец женился повторно без его согласия, и он, совершенно к этому не готовый, увидел, как его мачеха вошла в дом с сыном, который был старше его самого. С самого начала он не смог принять их обоих. Это, вероятно, была его собственная проблема, которая впоследствии привела к целой череде неудач. Отец начал раздражаться на него, и в доме из-за него стало очень беспокойно. Однако человеческие души сложны: даже если понимаешь, в чем корень проблемы, это не значит, что можешь её изменить. У него была психологическая дистанция с мачехой и сводным братом, и он считал, что мачеха — лицемерная змея, которая ведет себя по-разному в лицо и за спиной. Такого человека он просто не мог полюбить. Более того, он даже испытывал к ней некоторую неприязнь. Со временем он начал чувствовать себя лишним. Когда его не было дома, его отец и те двое жили в полной гармонии. После смерти бабушки он практически потерял связь с семьей, лишь изредка отправляя деньги, но почти не звонил. Отец, разочарованный сыном и с его вспыльчивым характером, часто ссорился с ним по телефону, и каждый раз ругал его, говоря, что вырастил сына только для того, чтобы тот выводил его из себя.

Позже ему внезапно улыбнулась удача — чего, вероятно, его мачеха не ожидала, — и она сама начала звонить ему. Отношение отца к нему также улучшилось. Хотя он уже не был ребенком, он, конечно, мог догадаться, почему они изменили свое отношение к нему. Однако в то время он только начинал свою карьеру, работа была очень утомительной, и, будучи совершенно незнакомым с миром шоу-бизнеса, он оказался в чужой среде, где столкнулся с огромным давлением. Иногда он чувствовал себя очень напуганным и одиноким, именно тогда, когда ему больше всего нужна была психологическая опора. Его сопротивление семье постепенно ослабло, и он начал общаться с родными. Позже, когда его сводный брат собирался жениться, и семья не могла позволить себе купить дом, они поговорили с ним по душам, и он отдал все свои сбережения.

Гу Цинчэн всегда был опечален и озадачен, ведь считал, что семейные узы — это самое чистое, что есть в мире. Однако те узы, которые он видел, казалось, управлялись деньгами. Деньги — это действительно что-то одновременно прекрасное и ужасное. Они разрушили столько прекрасного, но без них жить невозможно.

Поскольку с детства он рос с бабушкой и дедушкой, то с отцом у него не было особой близости. Позже, когда он заплатил за квартиру для своего неродного брата, отец начал смотреть на него по-другому. По совести говоря, какими бы ни были причины, которые примирили их, по крайней мере, в последние годы жизни отца он почувствовал ту отцовскую любовь, которую трудно было ощутить даже в детстве. К сожалению, позже его карьеру «заморозили», он долгое время оставался без работы, и когда отец тяжело заболел, семейные сбережения были исчерпаны, и они не смогли спасти его жизнь. Самое невыносимое было то, что когда отец тяжело заболел, его мачеха тоже начала срываться, и не только на него, но и на отца. Хотя нельзя сказать, что она была плохим человеком — ведь даже родные дети и супруги не всегда могут выдержать долгую болезнь, тем более мачеха, — у нее были свои трудности и давление. Он видел, как даже родные дети и супруги всей жизни не всегда остаются верными, что уж говорить о мачехе. Как она сама сказала:

— Если у тебя есть деньги на лечение отца, плати. А если у тебя нет денег и времени ухаживать за ним, то не говори попусту, не шевелясь!

Но это только усилило его неприязнь и отчуждение к мачехе. После смерти отца в доме осталась только все более раздраженная мачеха и неродной брат. Хотя дом был куплен на его деньги, оформлен он был не на него. Он купил его в качестве подарка отцу, и дом был записан

на отца. Когда отец тяжело заболел, сбережения ушли, и мачеха с братом тоже вложили силы и деньги, поэтому считали, что дом по праву принадлежит им. Между ними возникла вражда, и Гу Цинчэн, который сам купил этот дом, даже не мог войти в него.

В самые отчаянные дни Гу Цинчэн страдал от сильной бессонницы. Часто он лежал с открытыми глазами в темноте, размышляя о том, что же такое деньги и почему он оказался в такой ситуации. Когда в голове крутится столько хаотичных мыслей, неизбежно начинаешь сомневаться в чувствах в этом мире. Поэтому после своего перерождения он не пытался связаться с семьей. Он получал много звонков и сообщений, но не отвечал на них. Он не знал, как снова столкнуться с этой семьей, и даже начал заикливаться на мысли, что те последние годы отцовской любви в прошлой жизни были обусловлены деньгами. Он боялся, что ответ будет утвердительным.

Гу Цинчэн чувствовал, что у него старая душа, которая больше не способна любить. Единственное, что он любил, — это деньги. Только деньги могли дать ему чувство безопасности.

— Я тоже редко бываю дома. Мой отец развелся с матерью, у него есть любовница и внебрачный ребенок, которого отправили учиться за границу, — сказал Цзян Чэн. — Не знаю, станет ли тебе от этого легче.

Гу Цинчэн посмотрел на Цзян Чэна, слегка удивленный.

Цзян Чэн усмехнулся:

— Но посмотри на меня, я все равно живу хорошо. Ты тоже постарайся смотреть проще, не заикливайся.

Гу Цинчэн предположил, что Цзян Чэн хотел сказать «старик», но сдержался. Он удивился, потому что вдруг вспомнил, как они разговаривали у туалета, и Цзян Чэн сказал:

— Тогда ты хотя бы ответь, а то мне неловко.

А он тогда спросил:

— Ты чей «отец»?

Он задался вопросом, не из-за этих ли слов Цзян Чэн сдержался и не произнес «старик». Но в итоге решил, что лучше не строить догадки. Даже если это было так, он предпочел бы сделать вид, что ничего не заметил.

— Ты, должно быть, бесчувственный, — с иронией вырвалось у него.

— Чувства нужно оставлять для тех, кто тебе дорог или кого ты любишь. Для тех, кто тебе не нравится, они все равно будут восприняты как черная неблагодарность.

Гу Цинчэн закивал, как марионетка:

— Логично!

Ужин закончился около семи вечера, когда только начало темнеть. Они вышли из ресторана и пошли по аллее, где фонари еще не зажглись, и только слабый свет проникал сквозь деревья. Был уже конец весны, и ночной ветерок нес с собой тепло. Гу Цинчэн сказал:

— Спасибо директору Цзяну, я смог попробовать столько вкусного.

Цзян Чэн, идя рядом, ответил:

— На самом деле есть еще много мест, куда я могу тебя сводить.

— На самом деле, я давно хотел тебе сказать...

— Ты хочешь отказать мне?

— Я очень домосед, люблю готовить дома. А ты постоянно водишь меня по ресторанам, и в компании уже пошли сплетни.

— Какие могут быть сплетни? Не обращай внимания на то, что говорят люди...

— Это невозможно. Я ведь публичная личность, и если слухи распространятся, что мы с тобой занимаемся мужеложством, моя карьера закончится. Ты же видишь, как сейчас популярен «фан-сервис», многие звезды играют на грани, фанаты и пользователи сети это любят, но если я действительно окажусь гомосексуалистом, кто будет меня любить? Им нравятся только те, кого можно фантазировать как обычных парней. Я не хочу, чтобы меня считали твоим содержанцем. Ты ведь знаешь знаменитую фразу Жуань Линьюй: «Слова людей страшны». Хотя я веду себя достойно, но одно перо журналиста или домыслы пользователей могут уничтожить меня.

Это был горький опыт его прошлой жизни, и теперь он боялся даже упоминания об этом. В прошлой жизни он был разрушен слухами о гомосексуализме, и объектом этих слухов был именно Цзян Чэн. Хотя в этой жизни многое изменилось, его психологическая травма осталась, и он не мог не быть осторожным.

— Разве я не встречаюсь с Лю Инъин?

— Цзян Хай...

Это имя заставило Цзян Чэна замереть. Уличные фонари вдруг зажглись, и мир словно изменился. В тусклом свете Гу Цинчэн уже не был тем прежним Гу Чэном. Он стал выше, красивее и держался на расстоянии.

Цзян Чэн помолчал и сказал:

— Я все время думаю: если бы не я, если бы тебя не исключили из школы из-за меня, была бы твоя жизнь другой?

<http://bllate.org/book/16564/1512619>